

ИРКУТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Содержаніе

Цѣна за годовое
изданіе: въ Ир-
кутскѣ—5 р., съ
пересылкою по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. при
Духов. Семинар.

сентяб. 17

№

1888

37.

СОДЕРЖАНІЕ: Общественный приговоръ инородцевъ Кударинскаго вѣдомства объ уничтоженіи свадебнаго калыма.

Общественный приговоръ *).

1885 года ноября 7 дня, мы, нижеподписавшіяся, инородцы вѣдомства Кударинской Степной Думы, двѣ трети домохозяевъ, имѣющіе право голоса, бывъ сего числа на общественномъ сугланѣ при Кударинской Степной Думѣ, гдѣ между прочими вопросами, переданными на обсужденіе наше, намъ предложена была записка почетнаго инородца нашего вѣдомства Ивана Заяханова Хамаганова, въ коей онъ доказываетъ неестественное положеніе бракосочетающихся бурятъ, происходящее отъ укоренившагося среди насъ обычая брать за невѣсту окупъ, называемый калымомъ, часто превышающій

*) См. № 25 Иркутск. Епарх. Вѣд. за настоящій годъ стран. 239.

матеріальныя средства лица, желающаго вступить въ бракъ съ дѣвушкой - инородкой и достигающій суммы въ нѣсколько сотъ рублей, не считая скота и проч., идущаго въ подкрѣпленіе денежнаго калыма.

Въ запискѣ своей г. Хамагановъ восходитъ къ тому отдаленному времени, когда прародители наши, угнетаемые отъ времени до времени постигавшими ихъ бѣдствіями, вынуждены бывали отводить къ другимъ племенамъ своихъ дочерей.

До нашихъ временъ продажа эта сохранилась въ другой, нѣсколько болѣе благовидной, но не менѣе варварской формѣ, подрывающей наше матеріальное благосостояніе и развращающей нравы племени. Продажа эта выражается взиманіемъ родителями невѣсты большаго и часто непосильнаго калыма, что г. Хамагановъ справедливо сравниваетъ съ продажей домашняго скота. Ничего подобнаго мы не видимъ въ обычаяхъ, окружающихъ насъ русскихъ.

Осуждая безусловно этотъ обычай, г. Хамагановъ говоритъ: бѣдный буряты, заплатившій за жену свою калымъ, дѣлается рабомъ людей, къ помощи которыхъ долженъ былъ прибѣгнуть для уплаты калыма, и рабомъ своей, подчасъ сварливой жены, которая легко можетъ уйти къ своему отцу, что часто случается на дѣлѣ и оставить его одного, какимъ онъ былъ до женитьбы. Въ этомъ случаѣ буряты имѣютъ право требовать бѣглянку къ себѣ назадъ или возвращенія калыма. Но удовлетворенный тѣмъ или другимъ образомъ, буряты теряютъ надежду на тихое семейное счастье. При возвращеніи ему жены, чрезъ посредство улуснаго или иного начальства, она, вынужденная къ тому силою, естественно начинаетъ относиться къ нему болѣе враждебно, чѣмъ это было до побѣга; съ возвращеніемъ же ему калыма, онъ долженъ снова, бросивъ свои обычные занятія, пуститься въ поиски за невѣстой, рискуя и въ этомъ случаѣ жестоко ошибиться, и безъ конца. Г. Хамагановъ, а за нимъ и всѣ мы ясно сознаемъ, что нелѣпный обычай продажи невѣсты составляетъ

самое больное мѣсто въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Это обстоятельство усугубляется еще другимъ, не менѣе пагубнымъ обычаемъ: при сватовствѣ ни жениха, ни невѣсту никогда не спрашиваютъ о ихъ взаимныхъ чувствахъ, чему главнѣйше и слѣдуетъ отнести послѣдующіе раздоры между бракосочетавшимися. Люди же, лишеныя средствъ къ взносу калыма, обрекаются на всегда на холостую жизнь. Отсюда ненормальныя отношенія половъ, результатомъ чего является развратъ; падаютъ семейныя основы, а при такихъ явленіяхъ слѣдуетъ и распространеніе среди нашего племени заразныхъ болѣзней. Этими же ненормальными отношеніями половъ г. Хамагановъ объясняетъ тотъ неутѣшительный фактъ, что естественный приростъ населенія со времени послѣдней ревизіи, бывшей почти три десятка лѣтъ тому назадъ, не подвинулся ни на іоту впередъ, а изъ этого не трудно прійти къ тому заключенію, что, при степеніи другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, нашему племени можетъ грозить совершенное вырожденіе.

Приглашая присоединиться съ своему взгляду на разсматриваемый здѣсь предметъ, г. Хамагановъ указываетъ на нѣкоторые факты, служащіе удостовѣреніемъ того, что нѣкоторые обычаи мы уже заимствовали отъ окружающихъ насъ русскихъ, какъ то: посѣвъ хлѣба, ношеніе одежды по русскому образцу, постройку домовъ и проч., и хотя обычаи эти чисто внѣшняго свойства, однако же принятіе ихъ строго возбранялось нашими первобытными обычаями, тѣмъ не менѣе, кромѣ очевидной пользы, мы ничего не видимъ отъ замѣны однихъ образцовъ одежды и жилищъ другими—русскими, въ особенности хлѣбопашества.

Съ искорененіемъ же продажи женщинъ, говоритъ г. Хамагановъ, нашъ взглядъ на нихъ совершенно измѣнится. Мы будемъ видѣть въ женѣ не рабочую силу, какую мы требуемъ отъ нашихъ домашнихъ животныхъ, не жеицину—самку, служащую для припледа, но будемъ видѣть подругу

жизни, раздѣляющую съ нами горе и радости и мать дорогихъ намъ дѣтей. И сама она, увидѣвъ себя въ новой роли жены и матери, возродится нравственно и скорѣе усвоитъ свои обязанности, къ мужу и дѣтямъ. Оставаясь же въ теперешнихъ условіяхъ, она не можетъ ни чуть подняться нравственно. Тяжелый гнетъ, положенный на нее мужчиною, давить въ ней проявленіе лучшихъ человѣческихъ чувствъ. Она стоитъ на такой низкой ступени развитія, что почти не отвѣтственна за свои дѣйствія.

Собравивъ все это, мы не можемъ не согласиться съ нашимъ сородичемъ г. Хамагановымъ въ его воззрѣніи на изложенный здѣсь предметъ. Невыгодныя отношенія половъ, раззорительныя послѣдствія этихъ отношеній и нравственная деморализація такъ очевидны, что мы желая избѣжать всего этого на будущія времена, единодушно приговорили: 1) вниманіе калыма въ какомъ бы то ни было видѣ, между нами воспретить и на всегда оставить. Но при этомъ, если родители невѣсты настолько бѣдны, что не могутъ справиться свадьбы своими средствами, то допускается принять имъ отъ жениха или родителей его помощь деньгами и съѣстными припасами, но чтобы общая сумма этой помощи не превышала пятидесяти рублей и 2) чтобы при сватовствѣ непременно было принимаемо во вниманіе желаніе или нежеланіе жениха или невѣсты, на вступленіе въ бракъ съ извѣстнымъ лицомъ, безъ соблюденія чего и происходятъ раздоры между бракосочетавшимися.

Исполненіе сего приговора мы просимъ принять на себя всѣхъ родовыхъ и улусныхъ начальниковъ, а равно и всѣхъ благомыслящихъ людей нашего вѣдомства, сочувствующихъ этому доброму начинанію. За неисполненіе сего мы и другіе сородичи наши подвергаемъ себя суду общества и нашихъ начальниковъ, въ томъ и подписуемся. -- (Слѣдуютъ подписи инородцевъ и печати улусныхъ старшинъ и родовыхъ головъ).

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ

ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

сентяб. 17 № 37. 1888 года.

СОДЕРЖАНІЕ: Поѣздка къ ороченамъ.—Подлинное христіанское имя покорителя Сибири Ермака Тимоѣевича.—Извѣщеніе.

Поѣздка къ ороченамъ.

Намъ доставленъ путевой журналъ священника Бориса Чубинскаго о поѣздкѣ его къ ороченамъ. Извлекаемъ изъ этого журнала болѣе интересныя свѣдѣнія.

Миссіонеръ отправился къ ороченамъ 8 ноября 1887 г. Путь его шелъ чрезъ Яблоновый хребетъ. Его сопровождалъ г. Куракинъ, торговецъ, знающій бурятскій языкъ. По пути три раза они останавливались ночевать въ бурятскихъ юртахъ, и каждый разъ встрѣчали не совсѣмъ дружный пріемъ отъ бурятъ. Въ первой юртѣ, на рѣкѣ Ушмуканъ, они нашли двухъ женщинъ—бурятокъ; одна была старая, а другая молодая, какъ видно было, дочь первой. Хозяева ушли на бѣлковье. Обѣ сидѣли у разложеннаго огня, приняли путешественниковъ не привѣтливо; нехотѣли даже дать воды путникамъ, чтобы сварить чай и согрѣться. Теперь уже поздно, отвѣчали бурятки, воды нѣтъ, да льду вблизи нѣтъ, — за нимъ далеко идти. Къ счастью путешественниковъ, подъѣхали скоро

къ юртѣ двое буряты; для послѣднихъ сейчасъ же нашелся ледъ; чайникъ скоро закипѣлъ, пошли разговоры; пользуясь этимъ, миссіонеръ завелъ было разговоръ о вѣрѣ, но ему отвѣчали молчаніемъ. Нѣсколько ласковѣ сдѣлались бурятки къ русскимъ путникамъ, когда миссіонеръ за чаемъ подаль буряткамъ нѣсколько штукъ русскаго печенья; когда на завтра по утру путники стали собираться въ дорогу кипѣлая вода для ихъ чая была уже готова.

9 ч. къ вечеру путники снова встрѣтили бурятскую юрту и зимовье; зашли сначала въ юрту; въ ней находилась одна старуха съ двумя маленькими орончатами; хозяевъ не было; ушли бѣлковать за 20 или 30 верстъ, въ тайгу; въ юртѣ царила крайняя бѣдность; пищею буряты зимою служатъ только чай, да арца (смѣсь кислаго молока съ мукой,) однакожъ въ почетномъ углу на подмосткахъ стояло нѣсколько вазочекъ, колокольчикъ, два мѣдныхъ круга, четки и крыло какой-то большой птицы и нѣсколько книгъ. По всему видно было, что здѣсь бываютъ ламы. И дѣйствительно изъ разспросовъ оказалось, что здѣсь живетъ хуваракъ, уѣхавшій въ Агинскій дацанъ. Путники рѣшились ночевать не въ юртѣ, а въ зимовьѣ, въ которомъ находилась желѣзная печь. Хотя эта печь была никуда негодная, вся въ дырахъ, однакожъ путникамъ кое-какъ удалось растопить ее, сварить чай и согрѣть зимовье, и такимъ обр. переночевать въ болѣе тепломъ воздухѣ, чѣмъ какой бываетъ зимой въ юртахъ.

10 ч. въ 11 часовъ дня по дорогѣ путниковъ нагнали двое буряты, верхомъ, которые и вступили съ Куракинымъ въ разговоръ по бурятски. Разговоръ продолжался полчаса. Не успѣли эти буряты отѣхать, какъ путниковъ нагнали снова двое буряты, перекинувшихся съ Куракинымъ лишь нѣсколькими

словами. Кто это? Спросилъ миссіонеръ, Куракина; Ламы. Куда ѣдутъ? въ Кунху. За чѣмъ? Въ Кунхѣ, отвѣчалъ миссіонеру Куракинъ, есть одинъ богатый буряты, у котораго жена часто родить, но дѣти не стоятъ, т. е. умираютъ. Такъ вотъ буряты послали нарочныхъ собрать ламъ отчитывать жену. Говорятъ, они своимъ отчитываніемъ большую пользу бурятамъ приносятъ, но и плату съ буряты за это берутъ не малую. Мы завтра, замѣтилъ миссіонеръ, будемъ въ Кунхѣ, кстати, и посмотримъ, какъ ламы будутъ отчитывать жену буряты. Путники продолжали въ этотъ день свой путь до солнечнаго заката, держась слѣдовъ, проложенныхъ ламами. Къ вечеру пріѣхали въ улусъ — Антипино расположенный при озерѣ того же имени. Озеро въ окружности около 4 версты, обильно преимущественно карасями. — Вошли въ юрту буряты — Далашки; хозяина не было дома, ушелъ бѣлковать около 1 1/2 недѣль тому назадъ; встрѣтила путниковъ его хозяйка. Въ переднемъ углу юрты былъ разосланъ новенькій потникъ бѣлаго цвѣта, обшитый по краямъ красной матеріей, оказалось, что ламы, пріѣхавшіе раньше въ улусъ, предупредили хозяйку, что къ ней будетъ въ гости русскій лама, и она разослала этотъ коверъ нарочно для пріема русскаго ламы. Усѣвшись на коверъ по приглашенію хозяйки, миссіонеръ, по обычаю буряты, вынулъ изъ за пазухи деревянную китайскую чашку, — подаль ея хозяйкѣ, чтобы она налила въ нее чая. Въ тоже время досталь изъ мѣшка ковригу хлѣба, отрѣзалъ три ломтя и подаль: одинъ хозяйкѣ другой дѣвуникѣ, ея пріемной дочери, и третій — старухѣ, которая тутъ же лежала около огня и грѣла спину черную, какъ уголь; а старуха, узнавши, что предъ ней русскій лама, попросила у него табаку. Миссіонеръ, нарочно для этой цѣли

взявшій съ собою нѣсколько фунтовъ махорки, сейчасъ же удѣлилъ по нѣсколько листовъ старухѣ и ея невѣсткѣ; обѣ остались довольны этимъ гостинцемъ, благодарностямъ не было конца. Стали высказывать, что они больше уважаютъ русскаго ламу, чѣмъ бурятскаго; ибо русскій лама старше бурятскаго. Воспользовавшись веселымъ расположеніемъ духа бурятокъ, миссіонеръ сталъ имъ говорить, что ламская вѣра появилась не давно въ Сибири, а христіанская вѣра дана Богомъ, что русскіе имѣютъ свои священныя книги на своемъ родномъ языкѣ и понимаютъ, что читаетъ имъ русскій лама; а бурятскіе ламы? Они читаютъ свои священныя книги на такомъ языкѣ (тибетскомъ), котораго сами не понимаютъ, по большей части, а тѣмъ болѣе простые буряты. Какая польза отъ чтенія такихъ книгъ? Никакой.

Бурятки слушали слова миссіонера, молча, повидимому съ большимъ вниманіемъ, но какъ глубоко пали на сердце ихъ слова его, это извѣстно одному Богу.

11 ч. путники, выѣхавши рано утромъ изъ улуса— Антипово, въ полдень заѣхали въ юрту бурята Гапона Тарбаева. Здѣсь, кромѣ хозяина и хозяйки, они встрѣтили ламу и еще какого-то бурята, оказавшагося шаманомъ. Лама сейчасъ же, при входѣ миссіонера, всталъ съ своего почетнаго мѣста, подошелъ къ миссіонеру, поздоровался, и предложилъ ему занять свое мѣсто. Когда начали подавать чай, лама принималъ изъ рукъ хозяйки чашку съ чаемъ, и подавалъ ее миссіонеру: это было съ его стороны особымъ знакомъ уваженія къ миссіонеру. Оказалось, что лама говоритъ порядочно по русски, знаетъ русскую и монгольскую грамоту. Сказывали, что этотъ лама жилъ въ работникахъ въ Бургени, хотѣлъ даже креститься, но отказался, почему, неизвѣстно.

Миссіонеръ желалъ было разспросить его объ этомъ, — но при бурятахъ, нельзя было его объ этомъ спрашивать, а на единѣ не пришлось говорить.

Вышли изъ юрты все вмѣстѣ — и русскіе и бурятскіе гости и поѣхали въ Кунху. Буракинъ вмѣстѣ съ бурятами уѣхалъ впередъ, а миссіонеръ едва дотащился до Кунхи въ 10 часовъ вечера, — по причинѣ усталости лошадей. Кунха улусъ, состоящій изъ 3-хъ юртъ. Въ одной изъ нихъ остановился миссіонеръ. Пока готовили чай, миссіонеръ спросилъ хозяина: что ламы, начали отчитывать? Интересно было бы знать, какъ это они дѣлаютъ. Нѣтъ еще, отвѣчалъ хозяинъ, въ условіяхъ не сошлись еще. Ламы просятъ за отчитываніе 10 головъ скота, а буряту жаль такого количества скота. Ламы говорятъ, что они и въ книгахъ дошли до того мѣста, гдѣ говорится что имъ за труды слѣдуетъ получить 10 головъ. Какъ только состоится взаимное согласіе, сейчасъ же приступятъ къ дѣлу. Вскорѣ въ юрту явилось двое хувараконъ и одинъ лама; поговоривши о чемъ-то съ хозяиномъ, они ушли; а хозяинъ объявилъ миссіонеру, что условіе состоялось, торгъ слаженъ, и скорѣ ламы начнутъ отчитывать. Миссіонеръ пошелъ было въ юрту, гдѣ должно было происходить отчитыванье, — но увидавши, что ламы собираются на отдыхъ, не захотѣлъ ихъ беспокоить и возвратился обратно въ свою юрту. Однакожь скорѣ послышался звукъ барабана и мѣдныхъ тарелокъ, но не надолго, скорѣ все окончательно утихло. Вѣроятно, это было прелюдіей къ завтрашнему представленію. Назавтра утромъ миссіонеръ снова вошелъ въ юрту, гдѣ собрались ламы, и засталъ троихъ: все приготовились читать, но при входѣ миссіонера уложили свои книги. Скоро явился уже знакомый миссіонеру

грамотный лама; нѣсколько разъ миссіонеръ старался завести съ послѣднимъ разговоръ о вѣрѣ, — напоминалъ ему объ его обѣщаніи, но лама видимо уклонялся отъ разговора о вѣрѣ и заводилъ рѣчь о другомъ. Между тѣмъ спутники миссіонера стали собираться въ дорогу; пришлось и миссіонеру по неволѣ оставить ламу.

12 и 13 ч. миссіонеру вмѣстѣ съ его спутниками пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ.

14 ч. путники перешли черезъ Яблоновый хребетъ, расположились лагеремъ не далеко отъ р. Мушина, очень рыбной. Сюда скоро явилось нѣсколько ороченъ; узнавши, что среди путниковъ русскій лама, — они стали подходить къ миссіонеру, — крещенные для принятія благословенія, а некрещенные — поздороваться, пожать руку. Съ некрещеными миссіонеръ завелъ разговоръ о вѣрѣ и одному изъ нихъ, порядочно говорившему по русски, предложилъ креститься, но получилъ въ отвѣтъ: «подумаю, посовѣтуюсь съ братьями и завтра скажу». Скоро ороченны ушли по своимъ таборамъ.

5 ноября, утромъ, съ восходомъ солнца, опять пришло въ таборъ русскихъ нѣсколько ороченъ и между ними тотъ, которому вчера миссіонеръ предлагалъ креститься; — онъ пришелъ даже съ своей женой. Миссіонеръ снова обратился къ нему съ предложеніемъ креститься, а также къ его женѣ; послѣдняя сначала колебалась, но потомъ дала почти утвердительный отвѣтъ. Въ остальное время дня миссіонеръ ходилъ по юртамъ крещенныхъ ороченъ, училъ дѣтей правильно возлагать на себя крестное знаменіе, раздавалъ ороченамъ крестики и не большія иконы.

16 ноября миссіонеръ отправился въ одну изъ юртъ, отслужить общій водосвятный молебенъ и обошелъ всѣ юрты

съ св. крестомъ и водой. Къ вечеру прибыли въ таборъ—зайсанъ Николай Мелетіевъ Якимовъ и богатый ороченъ—Константинъ Антоновъ. Оставя свои юрты, они сейчасъ явились въ русскій таборъ поздоровались съ русскими, поразспросили кое-о чемъ и пригласили къ себѣ въ гости, что и было исполнено русскими; при этомъ Якимовъ просилъ передать поклонъ своему крестному отцу—преосв. Мелетію;—а Антоновъ—іеромонаху Антонію. По возвращеніи въ свой лагерь, миссіонеръ встрѣтилъ того самага орочена, которому предлагалъ креститься, вмѣстѣ съ женой; оба они изъявили твердое намѣреніе креститься; съ ними пришли и двое братьевъ; средній братъ на предложеніе креститься отвѣчалъ: подожду до лѣта, человѣкъ я еще холостой; старшій, женатый,—сначала было согласился креститься, но потомъ сказалъ: «нѣтъ лучше подождать до лѣта; тогда лучше будетъ окреститься съ семействомъ».

18 ч. миссіонеръ крестилъ трехъ ороченъ; 19 ч. сталъ собираться въ обратній путь; всѣ орочены собрались проводить; крещенные подходили подъ благословеніе, а некрещенные жали руку. 20 ч. за 2 часа до разсвѣта путники поднялись, напились чаю и отправились въ путь. Съ ними ѣхалъ одинъ бурятъ, по имени Качи; при немъ была собака, которой онъ далъ имя Качикетъ. Когда разговорились съ бурятомъ о вѣрѣ, онъ заявилъ, что онъ шаманъ и всѣ въ роду его шаманы, что онъ можетъ лазить по деревьямъ какъ бѣлка, что онъ вѣруеть въ 12-ть черныхъ демоновъ; если я пропаду, прибавилъ онъ, знаю, что меня унесутъ на сопку и тамъ бросятъ; больше мнѣ ничего не нужно. Около 11 часовъ дня пріѣхали въ Кунху; здѣсь миссіонеръ узналъ, что ламы отчитывали 5 дней и уже

уѣхали. 21 ч. заѣхали къ буряту Далашкѣ, уючевавшему на зимовку къ озеру Пууикареву; дома находились его жена и старуха мать; послѣдняя оказалась крещенною; узнавши, что у ней нѣтъ креста, миссіонеръ немедленно надѣлъ ей, крестъ на шею; при этомъ узналъ, что старшій сынъ ея тоже крещенный, зовутъ Алексѣй Шестаковъ, живетъ въ Сахалтуѣ, что тамъ кромѣ ея сына есть и другіе крещенные буряты, что всѣ они желали бы поселиться около Бургени, но казаки не дозволяютъ; дѣло въ томъ, что около Бургени есть много сѣнокосныхъ мѣстъ, — отдаваемыхъ казной въ кортомъ съ торговъ; казаки — сами кортомятъ эти мѣста, а буряты до торговъ недопускаютъ.

23 ч. ноября вечеромъ, около 8 часовъ, миссіонеръ, возвратился въ Бургень благополучно. Въ теченіи 9 дней, назадъ и впередъ онъ проѣхалъ около 400 верстъ, по большей части, по Яблонову хребту; дорога — гористая, каменистая, кочковатая; въ иныхъ мѣстахъ не возможно было сидѣть въ саняхъ; приходилось идти пѣшкомъ; гораздо легче было.

Подлинное христіанское имя покорителя Сибири Ермака Тимоѣевича.

Нѣкоторые историки Сибири Ермака Тимоѣевича произвольно окрестили именемъ Василія Повольскаго (по Волгѣ рѣкѣ), безъ достаточныхъ на то доказательствъ. Уже одно то, что Василій и Ермакъ — слова несозвучныя, можно догадываться, что прозвище Ермакъ образовалось изъ другаго, болѣе созвучнаго названія. Изъ исторіи о Сибирской землѣ

известно, что первый архіепископъ Тобольскій Кипріанъ ¹⁶²⁴/₁₆₂₅ во второе лѣто своего архіаштырства вспомнулъ атамана Ермака Тимоѣева сына Повольскаго и повелѣлъ спросить ермаковыхъ казаковъ: како они придоша въ Сибирское царство, и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого изъ нихъ поганіи убили? Казаки же принесоша ему еписки . . . и повелѣлъ убитыхъ имена написать въ Соборной церкви въ синодикъ и въ православную недѣлю кликати имъ вѣчную память: Если въ Тобольскѣ сохранились древніе помянники времени архіепископа Кипріана, или точные списки съ нихъ, то изъ нихъ можно до подлинности узнать, какое было христіанское имя у Ермака — покорителя Сибири. Уцѣлѣли-ли отъ пожаровъ, истребившихъ въ Тобольскѣ церковныя древности, синодики того времени, мы оставляемъ безъ изслѣдованія, а рады тому, что удалось намъ найти въ архивѣ Нерчинско-Успенской монастырской церкви. Въ немъ сохранились два древніе помянника, писанные полууставомъ, четкимъ почеркомъ, съ вычурными заставками и киноварью. Послѣ царей и царевенъ, и великихъ князей читаемъ слѣдующую интересную запись: *„помяни Господи души пострадавшихъ Твоего ради имени святаго и кровь свою проліявшихъ поблагочестіи: побѣдиши въ Сибири безбожнаго царя Кучюма“*.

Далѣе на полѣ озаглавлено:

А т а м а н ы: Ермолая, Іоанна, Никиты, Іакова Матѣя. *)

Ясно, что вульгарное слово «Ермакъ» образовалось отъ имени Ермолая. Память Ермолая (что значитъ «вѣстникъ»

*) Подобный же синодикъ мы видѣли въ Удинской Преображенской церкви Нерчинскаго округа; въ немъ имена покорителей Сибири вписаны во 2-й половинѣ XVIII в. рукой протопопа Іоанна Кабакова, сына игумена Исаи, послѣдняго настоятеля Успенскаго монастыря. Ред.

народа») «бываетъ разъ въ году, 26 іюля». Въ этотъ день должна быть и память покорителя Сибири, а Ермака не найти ни въ какихъ святцахъ.

Далѣе читаемъ на полѣ заглавіе:

Прочая дружина: «Сергія, Іоанна 4-жды, Андрея 3-ды, Тимофея 2, Іоакима, Григорія, Алексія, Никона, Михаила, Тита, Θεодора 2, Артемія, Логина, Владиміра, Василия 2, и Лукіана, Іакова, Іоанна 2, Савы, Петра 2 прочюю ихъ дружину, а имена ихъ Ты Господи вѣси. Согрешенія же ихъ презри и сподоби ихъ всѣхъ небеснаго Твоего царствія».

Такая же запись завоевателей Сибири есть и въ другомъ синодикѣ, писанномъ въ листъ до позднихъ временъ. Записи ведены со временъ игумена Наѳанаила, назначеннаго въ Нерчинскій монастырь Святителемъ Иннокентіемъ Чудотворцемъ, подчинившимъ этотъ вольный монастырь общенархіальному управленію. Разница въ передовыхъ записяхъ слѣдующая.

Въ числѣ атамановъ послѣ Ермолая—Іоанна 3, въ дружинѣ послѣ Сергія—Іоанна 6 (а не 4), Андрея однажды, Артемій пропущенъ, послѣ Іакова слѣдуетъ прямо: «Саввы, Петра и прочюю ихъ дружину, а имена ихъ Ты Господи вѣси: согрѣшенія же ихъ презри.» Въ началѣ синодика, гдѣ поминаются прародители Адамъ и Евва, есть слѣдующее моленіе: «помяни Господи души сиротъ, убогихъ и младенецъ некрещенныхъ и небреженіемъ отецъ ихъ и матерей умершихъ, и иже некому ихъ помянути».

Синодикъ Троицкаго монастыря на Селенгѣ древнѣе Нерчинскаго (1694 г.), съ него начаты и Посольскій, но въ нихъ нѣтъ записи сибирскихъ завоевателей. Это безъ сомнѣнія отъ того, что монастыри—Селенгинскій и Посольскій

на Байкалѣ основаны монахами—миссіонерами, посланными отъ царя и патріарха проповѣдывать св. вѣру Христову и крестить. А Нерчинскій монастырь основанъ казаками, старыми служилыми людьми, гораздо раньше историческаго извѣстія о началѣ этого монастыря (1706). Храбрый Хабаровъ, проникшій не только въ Якутскъ и за Сибирь въ Дауры, но и на Амуръ и Зею—замѣчательнъ не въ одномъ завоевательномъ отношеніи. Съ нимъ прослѣдовали въ Якутскъ просвѣтители края и Алексій и Мелевсиппъ—преподобные, и Гермогенъ, основатель Киренскаго монастыря, а на Амурѣ—Албазинскаго и Бумарскаго. Ему же должна принадлежать инициатива монашества и въ Нерчинскихъ предѣлахъ. Эти-то благочестивые люди и занесли въ Нерчинскій монастырь память о первыхъ завоевателяхъ Сибири, по свѣжему еще преданію, переходившему изъ рода въ родъ, даже прямо изъ тобольской записи киріановскихъ синодиковъ.

Епископъ Мелетій.

2 мая 1888 г.

Чита.

ИЗ В ъ Щ Е Н І Е .

Высокопреосвященнѣйшій Веніаминъ 6 ч. сентября благополучно возвратился изъ обозрѣнія церквей за Байкаломъ Верхнеудинскаго, Читинскаго, Акшинскаго, Нерчинскаго и Нерчинско-Заводскаго округовъ; а 15 ч., вновь отправился за Байкалъ для освященія вновь построенныхъ церквей въ Селенгинскъ и Кяхтѣ и обозрѣнія церквей Селенгинскаго округа.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

Только что отпечатано и поступило въ продажу:

**„ОБЪЯСНЕНІЕ ПРАЗДНИКОВЪ И ПОСТОВЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ,
ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА“**

СВЯЩЕННИКА Ѡ. МИТКЕВИЧА.

Цѣна 12 коп. На пересылку 8 экземпляровъ слѣдуетъ прилагать 20 коп.
При выпискѣ не менѣе 25 экзempl. на пересылку ничего не прилагается.

Адресъ: въ г. Минскъ, Свящ. Ѡ. Миткевичу.

У НЕГО ЖЕ ПРОДАЮТСЯ.

1) Священная исторія Ветхаго Заѣта, въ простыхъ разсказахъ, для дѣтей младшаго возраста. Его же. Изданіе 5-е. Цѣна 20 коп., съ перес. 25 коп. 2) Священная Исторія Новаго Заѣта, въ простыхъ разсказахъ, для дѣтей младшаго возраста. Его же. Изданіе 4-е. Цѣна 20 коп., съ пересылкою 25 коп.

При выпискѣ Священной Исторіи Ветхаго и Новаго Заѣта свыше 25 экзempl. уст. 10%, свыше 50 экз.—15% и свыше 100 экз.—20%.

3) Сборникъ духовныхъ стихотвореній, выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ авторовъ. Его же. Цѣна 85 коп., съ перес. 1 руб. При требованіи отъ 10 до 50 экз. уст. 15%, свыше 50 экз.—20%. Въ красивомъ переплетѣ, для подарковъ, цѣна 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 руб. 40 коп.

Р е д а к т о р ъ Каедральный Протоіерей Аонасіій Виноградовъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, Инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи Яковъ Стуковъ.